

НАШ РАССВЕТ



Мэри Хейзел

Мэри Хейзел

Наш рассвет

<https://litres.ru/74191408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасти врага — легко. Полюбить его — невозможно.

Сэйдж Ким знает, что такое быть чужой. Третья школа за два года, стипендия, которая держится на волоске, и тихая ненависть к королю этого места — Мэддоксу Джеймсу. Он капитан футбольной команды, сын сенатора и привык получать всё, что захочет.

Когда Сэйдж спасает ему жизнь, она становится его должницей. Только он не хочет благодарности — он хочет мести. Он хочет сломать её. Уничтожить. Заставить пожалеть, что она вообще появилась в его школе.

Но что, если ненависть — это просто любовь, которая боится признаться? Что, если за грубостью и холодом скрывается страх быть отвергнутым? И что останется, когда у него не останется ничего, кроме неё?

«Наш рассвет» — это история о том, как два человека, которые должны были остаться по разные стороны баррикад, находят друг в друге дом. И о том, что иногда, чтобы увидеть рассвет, нужно пережить самую тёмную ночь.

Мэри Хейзел

Наш рассвет

РАЗБИТАЯ СТАТУЯ

Мэри Хейзел

Часть первая: Ненависть

Глава 1

Спортзал пах потом, резиной и дешёвым освежителем воздуха, который не маскировал, а только подчёркивал запах старого деревянного пола. Сотни ног стучали по бетону, и этот звук отдавался в груди Сэйдж глухой, ритмичной болью. Она стояла у сцены с блокнотом в руках, делая вид, что записывает что-то важное. На самом деле она просто ждала, когда это дерьмо закончится. И считала секунды до того момента, когда сможет выйти на солнце и снова почувствовать, что она существует.

Директор Моррисон тараторил в микрофон уже двадцать минут. Его голос разлетался по залу с металлическим эхом, и ученики зевали, ковыряли в носу и переписывались в телефонах под партами. Сэйдж окинула толпу взглядом — море голов, стриженных, крашенных, собранных в пучки. Чужая. Она всегда была чужой. Третья школа за два года. Родители переезжали каждый раз, когда аренда поднималась

на сто долларов. Теперь они осели в Сан-Фернандо, держали прачечную и надеялись, что дочь получит стипендию в приличный колледж. Их надежды были единственной причиной, почему она стояла здесь. Если бы не их надежды, она бы работала за кассой, считала мелочь и ждала, когда жизнь пройдёт мимо.

— ...а теперь слово предоставляется нашему капитану футбольной команды, Мэддоксу Джеймсу! — директор указал на сцену с такой гордостью, будто представлял президента.

Зал взорвался аплодисментами. Чирлидерши завизжали. Парни засвистели и застучали кулаками по полу. Сэйдж закатила глаза. Типичный школьный культ личности. Она уже знала о Мэддоксе Джеймсе всё, что нужно: капитан, красавчик, сын сенатора, придурок с чувством собственной важности размером с Калифорнию. Она встречала таких раньше. В каждой школе был свой король. Они всегда были одинаковыми. Самонадеянные, грубые, привыкшие, что мир вращается вокруг них. Она не боялась таких. Она ненавидела их. Она подняла голову, чтобы посмотреть на этого очередного идиота, и замерла. Статуя за спиной директора покачнулась.

Бронзовый лев стоял на постаменте высотой два метра. Тяжёлый, старый, с ржавыми болтами у основания. Один из болтов отошёл. Статуя накренилась вправо, и Сэйдж увидела, как тонкая металлическая лапа отошла от пьедестала на сантиметр. Ещё сантиметр, и она рухнет.

Мэддокс уже шёл на сцену. Он улыбался. Он поднимался по ступенькам. Он не видел ничего, кроме лиц в первом ряду. Он не видел смерть, которая нависала над ним.

— Эй, — сказала Сэйдж громко, но никто не услышал.

Статуя накренилась ещё на пару градусов. Если она упадёт, он окажется прямо под ней через три секунды. Бронза, ржавчина, полтонны металла и смерти. Сэйдж не думала. Она бросила блокнот, рванула к сцене, перепрыгнула через кабель, схватилась за край подиума и подтянулась. В прошлой школе она занималась лёгкой атлетикой, пока родители не переехали снова. Мышцы помнили движение. Тело работало быстрее, чем голова. Она вскочила на сцену в тот момент, когда статуя начала падать.

— Назад! — крикнула она.

Мэддокс замер. Его улыбка исчезла. Он смотрел на неё, на статую, на её руки, которые уже тянулись к бронзовой лапе. Он смотрел так, будто не понимал, что происходит. Будто видел всё это в замедленной съёмке.

Сэйдж ударила плечом в статую, пытаясь сдвинуть её обратно. Бесполезно. Бронза весила полтонны. Она могла только замедлить падение. Статуя рухнула на неё, придавив ногу и руку. Боль пронзила всё тело — острая, горячая, как удар током. В ушах зазвенело, и она услышала треск, но не поняла, что это: её кость или деревянный пол под тяжестью. Она не знала, что у неё перелом — боль была острой, но она списала её на ушиб. Она просто сжала зубы и не закричала. Не

позволила себе закричать.

Зал ахнул. Тысяча учеников встала. В воздухе повисла тишина, такая глубокая, что Сэйдж слышала, как в её груди колотится сердце. Она лежала на сцене, придавленная бронзовым львом, сжимая зубы, чтобы не закричать. Через несколько секунд учителя подбежали и начали поднимать статую. Кто-то кричал в микрофон. Кто-то звонил в скорую. Мир вокруг неё был хаосом, но внутри неё была пустота.

Она повернула голову. Мэддокс стоял на ступеньках. Его лицо было белым, как бумага. Он смотрел на неё, на статую, на место, где он стоял секунду назад. Он смотрел на неё так, будто она была призраком. Будто не мог поверить, что она существует. Сэйдж села. Нога болела, но двигалась. Локоть болел, но работал. На джинсах расплзлось тёмное пятно — кровь, но, видимо, просто царапина. Она встала, отряхнулась, подняла блокнот. Её пальцы мелко тряслись. Она спрятала руки за спину.

— Ты бы не смог говорить с переломанными рёбрами, — сказала она. Голос был ровным, хотя внутри всё ходило ходуном, как корабль в бурю. — А теперь давай, выступай. Я подожду.

Она спустилась со сцены, села в первом ряду, раскрыла блокнот и уставилась в пустую страницу. Пальцы не слушались. Она сжимала ручку, чтобы они перестали дрожать. Она слышала, как он начал говорить. Слышала его голос, который был слишком громким, слишком фальшивым. Она не

смотрела на него. Не могла. Если бы она подняла глаза, она бы увидела его, и он бы увидел её, и это было бы слишком много.

Она сидела в первом ряду и не поднимала головы. Даже когда он закончил. Даже когда аплодисменты стихли. Даже когда зал начал расходиться. Она сидела и смотрела в пустую страницу. В туалете она промыла царапину и приложила пластырь. В зеркале она увидела своё лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами. Она закрыла глаза и прислонилась к холодной плитке. Холод пробрал её до костей, и она не знала, откуда он взялся.

«Ты в порядке», — сказала она себе. — «Ты в порядке». Но руки всё ещё дрожали.

В коридоре её ждал Мэддокс. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё. Она прошла мимо, не останавливаясь. Она чувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, горячий, как солнечный ожог.

— Эй, — сказал он. — Я хочу поговорить.

Она повернулась. Он стоял в пяти шагах. В руках он крутил ключи от машины — металл звенел, и этот звук резал уши. Его лицо было напряжённым. В его серо-голубых глазах было что-то, чего она не могла прочитать.

— Я сделала это не для тебя, — сказала она. — Я сделала это, потому что не хотела видеть, как бронза размазывает чью-то голову по сцене. Это было бы отвратительно.

— Я не прошу тебя быть героиней.

— Я и не героиня.

— Как тебя зовут?

— Сэйдж Ким. Но ты можешь не запоминать.

Она развернулась и пошла к выходу. Она слышала, как он крикнул ей в спину:

— Спасибо, Сэйдж Ким.

Она не остановилась. Внутри всё ходило ходуном. Она вышла на солнце, и ветер ударил ей в лицо. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться, но ветер пах дождём, и этот запах напомнил ей о доме, которого у неё не было.

Глава 2

Поле было влажным после ночного дождя. Трава блестела в свете прожекторов, и капли воды стекали с листьев, когда игроки бежали по разметке. Мэддокс стоял на разминке, чувствуя привычную тяжесть в мышцах после бега. Его футболка промокла от пота и прилипла к спине. Он смотрел на мяч, но не видел его.

Она стояла на трибунах. Вчера она спасла ему жизнь. Сегодня она стояла с блокнотом и записывала что-то. Простая серая футболка, чёрные джинсы, волосы собраны в пучок. Она не смотрела на него. Она записывала что-то в блокнот и периодически поднимала голову, чтобы окинуть поле взглядом.

— Кто это? — спросил Райан, его правый защитник.

— Из школьной газеты.

— Хорошенькая. И высокая. Ты любишь таких, капитан.

Мэддокс ударил по мячу с такой силой, что тот вонзился в сетку ворот. Тренер нахмурился.

— Джеймс, контроль. Не ломай инвентарь.

Мэддокс сжал зубы и отошёл к краю поля. Он смотрел на неё. Она записывала, не поднимая головы. Он был для неё пустым местом.

Тренировка закончилась. Он задержался, чтобы поговорить с тренером. Когда он вышел на парковку, дождь уже начинался. Она стояла у входа, прижимая блокнот к груди, и смотрела на небо. Он подошёл к ней.

— Хочешь подвезу?

Она повернулась. В руках у неё был бумажный стаканчик с кофе. Пар поднимался в сыром воздухе.

— Ты что-то хочешь?

— Хочу отплатить. Подвезу до дома, и мы в расчёте.

— И всё?

— И всё.

Дождь усиливался. Она посмотрела на его внедорожник — чёрный, блестящий от влаги, у края парковки.

— Ладно, — сказала она. — Поехали.

Они сели в машину. Она пристегнулась, положила блокнот на колени и поставила стаканчик в подстаканник. Молчала. Её лицо было спокойным. Он видел её отражение в стекле — чёткие линии скул, тёмные глаза, тонкие руки,

сжимающие блокнот.

— Куда ехать?

— Сан-Фернандо. Улица Оуквуд, дом 14.

Он выехал с парковки. Дождь барабанил по крыше. Она смотрела в окно.

— Ты учишься на стипендии? — спросил он.

— Да.

— И родители держат прачечную?

— Да. Ты хочешь унижить меня этим?

— Нет.

— Ты пытаешься, — сказала она. — Ты привык, что все тебя боятся. А я не боюсь. Тебя это бесит. Я права?

Он сжал руль. Она ударила прямо в цель. Он ненавидел это — быть прочитанным.

— Ты знаешь, кто я?

— Мэддокс Джеймс. Сын сенатора. Капитан команды. Привык получать всё, что хочешь. Тебе не нравится, когда кто-то говорит «нет».

— Ты не говорила мне «нет».

— Я сказала, что мы не будем общаться. Это и есть «нет».

Она смотрела прямо перед собой. Он смотрел на дорогу.

— Ты думаешь, я боюсь тебя? — спросила она.

— Я думаю, что ты ещё не знаешь, что я могу сделать.

— Знаю. Ты можешь попытаться меня унижить. Заставить подчиняться. Сделать так, чтобы я пожалела, что пришла в эту школу. — Она повернулась к нему. — Я всё это видела.

Ты не первый такой. Ты проиграешь.

— С чего ты взяла?

— Потому что я не проигрываю. Я не могу позволить себе проигрывать.

Они остановились у маленького дома с облупившейся краской. Она открыла дверь.

— Спасибо, — сказала она. — Но в следующий раз не надо. Ты ничего мне не должен.

Она захлопнула дверь. Он смотрел на неё, как она идёт к крыльцу, как её фигура исчезает за дверью. Он стоял под дождём и смотрел на этот дом. Крошечный, старый, с пожелтевшими занавесками на окнах. Это была её жизнь. И он понял, что хочет разрушить её. Не из злости. Из страха. Потому что она была права.

Глава 3

В кафетерии пахло жареным луком, разогретым сыром и дешёвым кофе. Люминесцентный свет делал всё плоским, безжизненным. Стеклянные витрины с салатами блестели, пластиковые столы были исписаны граффити. Сэйдж стояла в очереди, сжимая купон на бесплатный обед. Она выбрала столик у окна. Солнечный свет пробивался сквозь грязное стекло, падал на её тетрадь и высвечивал пыль в воздухе. Она села, разложила учебники и начала читать. Она не заметила, как он подошёл.

Мэддокс появился из ниоткуда. В серой футболке без рукавов, которая подчёркивала татуировку льва на предплечье. Джинсы с низкой посадкой, дорогие кроссовки. С ним были Райан и ещё два парня из команды. Они несли подносы с едой.

— О, смотрите, — сказал Мэддокс громко. — Наша спасительница. Сама.

Она подняла глаза. Спокойно.

— Сегодня ты свободна, — сказал он, ставя поднос на её стол. — Я хочу поговорить.

— Ты занял моё место.

— Мне нужно поговорить.

— А мне нужно поесть. У тебя проблема?

Он наклонился к ней.

— У меня нет проблем. У меня есть вопрос. Правда ли, что ты пришла сюда по стипендии?

— Да.

— И твои родители держат прачечную?

— Да.

— И ты работаешь там по вечерам?

— Да.

Он выпрямился. Улыбнулся широко, театрально.

— Я просто хочу, чтобы все знали: ты спасла меня не из благородства. Ты ищешь спонсора. Ты хочешь, чтобы тебя заметили. Чтобы я стал твоим билетом в хорошую жизнь.

Она медленно встала. Метр семьдесят. Она стояла почти

вровень с ним. Встретила его взгляд.

— Мэддокс Джеймс, — сказала она громко. — Ты считаешь, что я спасла тебя, чтобы получить что-то. Но правда в том, что я сделала это, потому что не хотела, чтобы у тебя были причины ненавидеть себя ещё больше.

— Что ты сказала?

— Ты боишься быть должником. Боишься, что кто-то увидит твою слабость. Но я не скажу никому. Не потому что я хорошая. А потому что это не имеет значения. Ты мне неинтересен.

Она взяла поднос, книги и пошла к выходу. Зал затих. Сотня глаз смотрела на неё, потом на него. Он стоял сжав кулаки.

— Сэйдж! — крикнул он.

Она обернулась у двери.

— Что?

— Ты пожалеешь.

— Мне уже нечего терять, — ответила она. — А тебе есть. Ты только что показал всем, что боишься меня. Не наоборот.

Она вышла. Дверь закрылась. Он стоял в центре зала, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Она разбила его. Перед всеми. И он не смог ничего сделать.

Сцена 1. Отец. Дом.

Особняк стоял на холме, и из окон гостиной открывался

вид на весь Лос-Анджелес — огни, шоссе, бесконечные линии машин. Мэддокс вошёл через заднюю дверь, как всегда, стараясь не греметь. Косточки на правой руке саднили — он ударил по шкафчику в раздевалке, и теперь кожа была содрана до мяса. Он прошёл мимо зеркала в прихожей и мельком увидел своё отражение. Бледный. Уставший. Шрамы на груди, татуировка льва — неровная, любительская, которая казалась ему когда-то крутой. Сейчас она выглядела как детская глупость. В гостиной горел свет. Отец сидел в кресле, держа в руках стакан с виски. Он не пил. Просто держал, как трофей. Ему было пятьдесят три, он был подтянут, седые волосы зачёсаны назад, и его лицо не выражало ничего, когда он поднял глаза на сына.

— Ты поздно, — сказал он.

— Была тренировка.

— Я знаю. Я звонил тренеру. Он сказал, что ты ушёл больше часа назад.

Мэддокс остановился. Он не смотрел на отца — смотрел на огни за окном.

— Где ты был?

— Нигде.

— Не лги мне.

— Я не лгу. Я был в школе.

— В школе. — Отец поставил стакан на стол. — В раздевалке. С той девчонкой.

Мэддокс повернулся к нему. Внутри всё закипело, но он

сдержался.

— Кто тебе сказал?

— Директор. Он сказал, что ты проводишь много времени с девочкой по стипендии. — Отец поднялся из кресла. — Что это за девушка?

— Она... она новенькая.

— Я знаю, кто она. Дочь хозяев прачечной. Стипендиатка.

— И что?

— Что? — Отец шагнул ближе. — Ты капитан команды. Ты Мэддокс Джеймс. Ты не можешь таскаться с какой-то...

— Не договаривай, — сказал Мэддокс. Голос дрогнул, но он сдержал его.

— Я не позволю тебе опуститься до этого уровня. Ты понял? Она не твоего круга.

— А какого круга я? — спросил Мэддокс. — Твоего? Ты хочешь, чтобы я стал таким, как ты? Сидел в кресле с виски и никого не видел вокруг?

Отец сжал челюсть.

— Ты ещё мальчишка. Ты не знаешь, чего хочешь.

— Я знаю, чего не хочу. Я не хочу быть тобой.

Тишина повисла в комнате. Отец смотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то — не гнев, а холодное презрение.

— У тебя неделя, — сказал он. — Чтобы прекратить это. Или я заберу машину. Карточки. Всё. Ты понял?

Мэддокс смотрел на него. Он хотел сказать что-то ещё. Но слова застряли в горле.

— Понял, — сказал он и вышел.

Он поднялся в свою комнату, закрыл дверь и сел на пол, прислонившись спиной к кровати.

Слёз не было. Только пустота.

Глава 4

Кабинет литературы был пуст. Солнце уже садилось за горизонт, и его последние лучи пробивались сквозь жалюзи, оставляя на полу полосы света и тени — полосы, которые напоминали тюремные решётки. Сэйдж стояла у стола мисс Фостер с тетрадью в руках, и воздух в комнате был плотным, тягучим, как патока. Она слышала, как где-то за стеной гудит вентиляция — монотонный звук, который въедался в голову, как сверло. Она уже собиралась уходить, когда дверь открылась.

Мэддокс вошёл бесшумно. Без куртки, в одной чёрной футболке, которая обтягивала его плечи. Он закрыл дверь за собой и прислонился к косяку — лениво, но в его позе было напряжение, которое он пытался скрыть. В его руках не было книг. Только ключи от машины, которые он крутил между пальцев, и этот звон металла раздражал её больше, чем должна была раздражать безобидная привычка.

— Ты пришла за мной? — спросила она.

— Нет. За тетрадью. Учительница сказала, я могу забрать свои записи.

Она указала на стол.

— Там только моя.

Он подошёл. Его шаги были медленными, почти вкрадчивыми. Он взял её тетрадь, пролистал, не спрашивая разрешения. Она смотрела на его пальцы, которые переворачивали страницы — и ей хотелось вырвать тетрадь из его рук, но она не двигалась. Она стояла неподвижно, как статуя, и ждала.

— Ты пишешь стихи, — сказал он.

— Отдай.

— «Я хочу, чтобы ветер сломал этот город. Чтобы стены рухнули, и я увидела небо». — Он поднял на неё глаза. Его серо-голубой взгляд был острым, как осколок стекла. — Ты пишешь о школе?

— Отдай тетрадь, Мэддокс.

Он закрыл её. Положил на стол. Не отдал. Просто положил. И сделал шаг ближе. Теперь они стояли в полуметре друг от друга. Она чувствовала его запах — пот, дезодорант, что-то горькое, как кофе. И запах страха. Его страха. Он боялся её. Она это знала.

— Ты не боишься меня. Я думал, это игра. Что ты притворяешься. Но ты действительно не боишься.

— Нет. И ты не сделаешь мне больно. Это будет означать, что ты проиграл. А ты не умеешь проигрывать.

Он смотрел на неё в упор. В его взгляде не было злости. Только усталость и любопытство. Она видела это. И это её напрягало больше, чем если бы он злился. Злость она умела

встречать. Злость она знала, как отражать. Но усталость — она была как зеркало, в котором она видела себя.

— Ты не такая, как все, — сказал он.

— Спасибо, я знаю.

Она взяла тетрадь со стола и направилась к двери. Он посторонился, давая ей пройти. Но когда она поравнялась с ним, он тихо сказал:

— Ты читаешь меня как открытую книгу. Это нечестно.

— Ничего честного в этой школе нет, — ответила она и вышла.

В коридоре она остановилась. Прислонилась к стене и закрыла глаза. В груди разрасталась пустота — тяжёлая, липкая, как грязь. Она ненавидела это чувство. Ненавидела, когда кто-то заглядывает внутрь. Когда кто-то видит её настоящую. Она была так осторожна, так тщательно строила стены, а он просто взял и сломал одну из них. Она сжала тетрадь и пошла в раздевалку. Тренер сказал, что она должна взять интервью у капитана. Это была её обязанность. Она ненавидела обязанности, но ещё больше ненавидела быть той, кто их не выполняет.

Раздевалка была пустой. Пахло потом, дезодорантом и влажным бетоном — запах, который оседал на коже и не смывался. Свет был тусклым — одна лампа мигала в углу, создавая тени, которые плясали на стенах. Мэддокс стоял у скамьи без футболки. Сэйдж вошла и замерла. Она увидела его грудь — не только мышцы, но и шрамы. На правом реб-

ре длинная белая полоса — хирургический шов, старый, как память. На плече ещё одна, меньше, круглая, как от ожога. Она не отвела взгляд. Но что-то в её лице изменилось. Она не знала, что именно. Может быть, жалость. Может быть, страх. Может быть, что-то, чему она не хотела давать названия.

— Что это? — спросила она.

Он не ответил. Просто смотрел на неё. Его глаза были пустыми, как зеркала в пустой комнате.

— Ты делал вид, что ты железный, — сказала она. — Но у тебя есть шрамы.

— Моя мать умерла, когда мне было пятнадцать, — сказал он. Его голос был ровным, но она слышала, как он сжимает зубы, чтобы он не дрогнул. — Я разбил себе руку, потому что бил по стене. Это был единственный способ не закричать.

Она молчала. Она не знала, что сказать. Что вообще можно сказать человеку, который носит на себе шрамы, как татуировки. Он стоял перед ней, почти обнажённый, и она видела, как его челюсть сжата. Как он пытается не показать, что ему больно от этих слов. Как он боится, что она увидит его слабость и использует её против него.

— Ты думаешь, я злой, потому что мне нравится, — сказал он. — Нет. Я злой, потому что иначе я развалюсь. И я не хочу, чтобы кто-то видел это.

— Я вижу, — сказала она тихо.

— Поэтому я тебя ненавижу.

Он стоял слишком близко. Она могла отступить. Могла

уйти. Но она стояла и смотрела на него. И внутри неё что-то дрогнуло. Не жалость. Жалость была бы лёгкой, удобной, она позволила бы ей остаться холодной. Но это было что-то другое. Что-то, что она не хотела признавать.

— Ты ненавидишь меня, потому что я вижу тебя настоящего, — сказала она. — Но я не буду твоим спасением, Мэддокс. Я не могу быть ею.

— Я не прошу.

— Ты просишь. Ты хочешь, чтобы я осталась. Но я уйду. Потому что если я останусь, ты перестанешь бороться. А ты должен бороться сам.

Она развернулась и вышла из раздевалки. Дверь закрылась за ней. Внутри всё ходило ходуном. Она слышала, как за стеной он ударил кулаком по шкафчику. Звук был глухим, тяжёлым — как удар по живому телу. Она не остановилась. Она не могла остановиться. Если бы она остановилась, она бы вернулась. А если бы она вернулась, она бы не ушла снова.

Глава 5

На следующий день Мэддокс вернулся к старой роли. Он сидел за центральным столом в кафетерии с командой, но не смеялся и не шутил. Он пил газировку и смотрел на дверь. Его пальцы сжимали стакан так сильно, что пластик побелел в местах сгиба. Когда Сэйдж вошла, он встал. Все оберну-

лись. Он шёл к ней через весь зал, и люди расступались, как вода перед носом корабля. Это был его момент. Его сцена. Он был актёром, и он играл свою роль.

— Ты вчера много говорила, — сказал он громко. — Ты считаешь, что знаешь меня. Но ты не знаешь ничего.

Сэйдж стояла с подносом в руках. Она смотрела на него. Ей было устало. Она чувствовала, как внутри неё нарастает волна усталости — тяжёлая, как свинец.

— Я не говорила, что знаю тебя. Я сказала, что ты грубый, потому что боишься быть настоящим.

— Ты думаешь, ты умная? — Он наклонился к ней.

— Я думаю, что тебе не нужно доказывать всем, что ты сильный. Ты уже всем это доказал. Теперь докажи это себе.

Она обошла его и пошла к свободному столику. Он стоял и смотрел ей вслед. Весь зал молчал. Она села, разложила учебники и начала есть. Она не обернулась. Но внутри было больно. Он использовал её вчерашнее молчание против неё. Он показал ей свою слабость, а когда она не ответила тем же, он решил, что лучшая защита — это нападение. Она решила не подходить к нему больше.

Прошла неделя. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Каждый час был похож на предыдущий. Они не разговаривали. Только взгляды — быстрые, острые, как лезвия. Он игнорировал её в коридорах. Она не искала встреч. Но каждый раз, проходя мимо, она чувствовала его взгляд на своей спине — жаркий, как солнечный ожог. В пятницу она задержа-

лась после уроков. Проходя мимо спортзала, она услышала глухой удар. Ещё один. Кто-то бил по стене. Каждый удар отдавался в груди, как её собственное сердцебиение. Она заглянула внутрь. Мэддокс стоял у дальней стены. Его плечи ходили ходуном. Он не плакал, но был на грани. На костяшках его пальцев были ссадины — красные, влажные, как отпечатки пальцев на запотевшем стекле.

— Мэддокс.

Он резко обернулся. Глаза красные, но сухие.

— Что ты здесь делаешь?

— Я могла бы задать тебе тот же вопрос.

— Уходи.

— Нет.

Он шагнул к ней. Она не отступила. Она стояла и смотрела на него, и в её груди было пусто. Пусто, как в этой комнате.

— Моя мать умерла два года назад, — сказал он. Голос дрожал, как струна, натянутая до предела. — Сегодня годовщина.

Она молчала. Она слышала, как в груди бьётся её сердце — гулко, как шаги в пустом коридоре.

— Мой отец решил, что сегодня прекрасный день, чтобы напомнить мне, что я ничтожество. Что я не оправдал его ожиданий.

Он засмеялся. Пустой, безжизненный смех — звук, который въедался в стены, как кислота.

— И ты тоже ушла. Ты тоже оставила меня.

— Я ушла, потому что ты сделал мне больно. Ты не можешь использовать свои травмы, чтобы оправдывать всё, что ты делаешь.

— Я не оправдываю.

— Ты ищешь жалости. Но я не буду тебя жалеть. Ты сильный человек. Ты справишься без меня.

Она развернулась.

— Сэйдж, — сказал он тихо.

Она остановилась, но не обернулась. Она стояла в дверях, и ветер из коридора дул ей в лицо, холодный и влажный.

— Я не хочу быть один. Я не прошу тебя спасти меня. Просто... не уходи.

Она стояла в дверях. Слышала его дыхание. Чувствовала, как он ждёт её ответа. Она знала, что если она уйдёт сейчас, он сломается. Она знала, что если она останется, он будет держаться за неё, как тонущий за соломинку. Она не могла быть его соломинкой.

— Я не уйду, — сказала она. — Но я не буду твоим лекарством. Ты должен справиться сам.

Она повернулась и села на пол у стены. Не рядом с ним. На расстоянии. Она смотрела на него, и он смотрел на неё, и между ними было пустое пространство, заполненное шумом дождя за окнами. Они сидели в тишине. Дождь стучал по крыше. Свет лампы мигал, и тени плясали на стенах. Она слышала, как он дышит — тяжело, прерывисто, как человек, который учится дышать заново. Она не подошла ближе. Он

не подошёл. Этого было достаточно.

Часть вторая: Перемирие

Глава 6

Прошло ещё две недели. Они не разговаривали, но напряжение спало. Он больше не пытался быть грубым. Она перестала избегать его взгляда. Просто существовали рядом. Когда объявили о зимнем бале, и их выбрали ведущими, Сэйдж хотела отказаться. Но мисс Фостер уговорила её. Мэддокс согласился без споров. Репетиции начались. Они встречались в актовом зале после уроков. Сценарий, вступления, шутки. Только работа. Никаких личных разговоров. Но она замечала, как он поправляет воротник перед тем, как войти. Он замечал, как она теребит ручку, когда нервничает. За три дня до бала он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.